

Л. С. Клейн

Археологические источники

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 902
ББК 63.4
Л11

Л11 **Л. С. Клейн**
Археологические источники / Л. С. Клейн – М.: Книга по Требованию, 2023. – 120 с.

ISBN 978-5-458-34203-2

Книга рассчитана на студентов и преподавателей университетов и пединститутов, а также на всех интересующихся методикой использования археологических материалов в историческом исследовании. В книге дается представление о познавательных возможностях археологических источников и об их специфике по сравнению с разными видами исторических источников. Рассматриваются также те ограничения, которые специфика археологических источников накладывает на их использование и которые поэтому необходимо иметь в виду историку, когда он обращается к археологическим источникам. Пособие предназначено для студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов.

ISBN 978-5-458-34203-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

становлений и методических инструкций? Являются ли археологические источники историческими источниками, и распространяются ли на них методологические характеристики тех (скажем, в оценке познавательных возможностей)? При извлечении информации из археологических источников на чем кончается компетенция историка? Сколько времени должно пройти с момента гибели вещи, чтобы она стала археологическим источником? Иначе говоря, есть ли хронологический предел у археологических материалов, если проследживать их простираение от давних времен к современности?

Более ста лет назад в Русском археологическом обществе этот вопрос решали голосованием и единодушно остановились на 1700 г.³ Согласиться ли с этим решением или расценить его как один из курьезов истории науки? В 1952 г. в Таможенном переулке в Ленинграде проводились раскопки академических зданий ломоносовской поры.⁴ Включить ли результаты безоговорочно в археологические источники или расценить как один из казусов научной практики — вылазку за границы археологии?

Все эти и подобные вопросы показывают, что мы нуждаемся в продуманных определениях и детальных теоретических разработках. Между тем в наличных общих руководствах это понятие либо оставлено без определения, либо вводится беглым определением, которое не мотивируется. Исследований, посвященных специально разработке этого понятия, нет, и всего несколько статей затрагивают отдельные аспекты темы.⁵

Понятием «археологические источники» характеризуется главное средство обеспечения археологических исследований базой фактов. Любопытно, что как раз те средства такого обеспечения, которые занимают в археологии, при всей их важности, подчиненное место (эксперимент, лабораторные анализы), подверглись детальной разработке⁶ раньше: повлиял пример наук, в которых они преобладают (физика, химия, биология). В археологии же к детальной разработке ее главного средства подошли сначала со стороны не теории, а методики исследований:⁷ в научной практике более наглядно и непосредственно ощущается потребность в методических предписаниях, чем в теоретических разработках, которые стоят (или должны стоять) за ними, генерируют и обосновывают их.

Фундаментальные понятия — это те, на которых держится вся система общих понятий данной науки. Поэтому, определяя фундаментальные понятия, бессмысленно искать опору среди этих производных понятий внутри данной науки. Приходится выходить за ее пределы — в общенаучную методологию, в философию, в историю науки, обращаться к опыту научной практики.

³ Записка для обозрения русских древностей. СПб., 1851, с. 3.

⁴ Грач А. Д. Археологические раскопки в Ленинграде. М.—Л., 1957.

⁵ Trudzik Z. Źródła archeologiczne na tle problematyki kultury. — «Archeologia Polski», 1965, t. 10, s. 42—74; Геннинг В. Ф. Специфический предмет и некоторые актуальные задачи современной археологии. — В кн.: Вопросы археологии Урала, вып. 13. Свердловск, 1975, с. 10—11.

⁶ Семенов С. А. Первобытная техника. М.—Л., 1957; Ascher R. Experimental archaeology. — «American Anthropologist», vol. 63, 1961, p. 739—816; Coles J. M. Experimental archaeology. — Proceedings of the Soc. of antiquaries of Scotland, vol. XCIX, 1968, p. 1—20; и др.

⁷ Каменицкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников. М., 1957 (рец.: Клейн Л. С. — Советская археология, 1977, № 3, с. 309—317).

Глава I

В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

I. Современная ситуация и исторические корни

Термин «археологические источники» широко употребителен в советской археологии и в археологии социалистических стран; он фигурирует и в общих руководствах и в названиях специальных работ.¹ В силу привычности термина у нас даже сложилось впечатление о его естественности и общепринятости, о его понятности и о том, что он применен в этом само собой разумеющемся значении всегда и везде. А это не так.

Достаточно пролистать основные дореволюционные российские руководства по археологии (А. И. Уварова, В. А. Городцова, А. А. Спицына) или Труды археологических съездов, чтобы убедиться, что там речь идет об «археологических памятниках» или «археологических материалах», но «источниками» они обычно не называются. В современной западной науке термины, соответствующие нашему «археологические источники», в общем-то известны, имеются в терминологическом словаре (в немецком «archäologische Quellen», в английском «material sources» или «archaeological records»)² и применяются, но не в археологическом обиходе, а в общетеоретических разработках по философии и методологии истории. Практически этих терминов в зарубежной археологической литературе не встретить или почти не встретить (исключения рассмотрим далее). В контекстах, где их можно было бы ожидать, оказываются другие термины: «археологические свидетельства» (англ. archaeological evidence), «археологические данные» (англ. archaeological data), «археологические памятники», «археологические находки» (нем. Bodendenkmäler, Bodenfunde), «археологические документы» (нем. archäologische Urkunden) и т. п.

Отсутствие специального термина говорит о невиделенности особого понятия, о том, что нет потребности отличать его от смежных понятий, что не чувствуется необходимость подчеркивать и обособлять соответствующий аспект изучения объектов археологии. Этот аспект считается либо ненужным, либо естественным и единственно возможным.

Вообще понятие «археологические источники» появилось в археологии как проекция понятия «исторические источники» на археологический материал, т. е. под несомненным воздействием исторической науки. Это стало возможным, когда археология вступила в тесную связь с историей и стала рассматриваться то как вспомогательная историческая дисциплина, то как отрасль истории.

Археологии далеко не всегда отводилось такое место в системе наук и не везде отводится сейчас. Некогда археология была частью географии — описывала древние достопримечательности края. В эпоху Возрождения археология стала частью музейно-антикварного дела и иллюстрировала классическую филологию. В эпоху Просвещения она превратилась в техническую экспертизу антиковедческого искусствовозна-

¹ Археология СССР. Свод археологических источников, М. (многотомное издание, выходит с 1961 г.); Каменецкий Н. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников, М., 1975; Holubowicz W. Jak publikować źródła archeologiczne, Warszawa—Wrocław, 1961 («Как публиковать археологические источники»).

² «Record» — букв. «сообщение», «запись». Если в слове «источник» подразумевается возможность использования информации, то слово «record» отвлечено от этого аспекта, здесь подчеркнуто лишь внешнее информирование об объекте.

ний. Романтики XIX в. связали ее с этнографией, сделали продолжением этнографии вглубь времен и придали морально-этическую направленность. Идеализацию тех или иных сторон прошлого желательно было подкрепить материальными памятниками. Такой установке, разумеется, был совершенно чужд взгляд на эти памятники как на объективные источники сведений о прошлом. В этом просто не было потребности. Однако во второй половине XIX в. размах и сила революционного движения повернули историков от деиных королей и министров к жизни широких народных масс, плохо освещенной в письменных источниках. Тогда же развитие капитализма и экономические требования пролетариата интенсифицировали интерес к истории хозяйства, а разработка изощренной критики текстов и их содержания подрывала доверие к письменным источникам. Вот тогда и понадобились данные вещественных источников, тогда историки обратились за помощью к археологии, и тогда археология превратилась в историческую дисциплину.

В России интерес к древностям возник позже, чем в странах Западной Европы (хотя и раньше, чем в Америке), и археология здесь прошла этот путь развития ускоренным темпом, но через те же этапы и в той же последовательности.³

2. Выделение понятия «исторические источники»

— Ну, это уж слишком! — закричал Шалтай-Болтай сердито. — Ты подслушивала за дверью... за деревом... в печной трубе... А не то откуда бы тебе об этом знать!

— Нет, я не подслушивала, — сказала тихонько Алиса. — Я узнала об этом из книжки.

В исторической науке понятие «исторические источники»⁴ кристаллизовалось в тесной связи с двумя явлениями: а) возникли четкие представления об авторстве и, б) появилось критическое отношение к сведениям о прошлом.

Конечно, и до того в исторических сочинениях давались иногда указания на источник сведений, но, во-первых, это не было обязательным, а во-вторых, этому не придавался тот узкий смысл, без которого просто нет понятия «исторический источник». Любой текст и любой слух без разбору принимались как пригодные и равноценные источники сведений. Список с текста или пересказ с любыми переделками, пропусками и добавками сразу же становился таким же источником для последующих переписчиков и пересказчиков. Что и у кого списано, что добавлено — не требовалось отмечать. Так писалась история в средние века. Естественно, не было необходимости отличать источники от

³ Это живо показано в увлекательной книжке А. А. Формозова «Очерки по истории русской археологии» (М., 1961).

⁴ Современные обобщающие работы, в которых рассматривается понятие «исторические источники» и обсуждаются связанные с ним методические проблемы (на рус. яз.) см.: Прохштейн А. П. Методика исторического исследования. Ростов, 1971; Пушкарёв Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975; Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. — Из аналогичных изданий социалистических стран наиболее известны: Eckermann W., Mohr H. Einführung in das Studium der Geschichte. Berlin, 1966; Topolski J. Metodologia historii. Warszawa, 1968. — Среди западных изданий наиболее авторитетны: L'histoire et ses méthodes. Paris, 1961 (см. рец.: «Вопросы архивоведения», 1963, № 2, с. 109—115; «Вопросы истории», 1964, № 7, с. 79—82; 1964, № 8, с. 77—88); Salmon P. Histoire et critique. Bruxelles, 1969 (см. рец.: «Вопросы истории», 1971, № 10, с. 189—192).

источников, не требовалось особо обозначать те сочинения, которые вправе считаться «источниками», — не было, стало быть, и пужды в специальном понятии «исторические источники».

В эпоху Возрождения, в XIV—XV вв., когда зашатался уклад догматического подавления мысли и чувств и стало слабеть слепое доверие ко всему освященному традицией, историки-гуманисты начали подвергать сомнению надежность дошедших до них переложений истории — письменных и (особенно) устных. Гуманисты осознали необходимость отделять основу своих изысканий — первичные сообщения солидных древних писателей (нередко свидетелей и участников событий) — от смутных слухов и позднейших домыслов или толкований, предлагаемых современниками ученого и читателя.

В то же время ломка средневековых оков вела к становлению мыслящей личности, к осознанию самоценности личности. На этой основе зарождалась идея личного авторства и авторского права на ученые труды, на признание личного вклада ученого в науку, на закрепление доброго имени чем-то вроде индивидуального клейма ремесленника. Формальным выражением этих новых требований явилось изобретение «*ученого аппарата*» (иногда говорят «*научного аппарата*»). Так называются средства выделения цитат, ссылки в сносках и примечаниях, словом, способы выделения чужих слов, мыслей и сообщений среди своего текста и технические приемы литературного подтверждения сведений. Впервые эту технику применил флорентийский ученый XV в. Флавио Биондо.

Внимание к имени и мыслям современного автора, проецируясь на прошлое, обернулось уважением к личности древнего автора. Теперь историки перестали сливать с древним текстом не только свои примечания к древним сообщениям, но и гипотетические вставки (*конъектуры*) на места пробелов. Это, со своей стороны, способствовало четкому отделению современных толкований и оценок от древних сообщений.

Тогда-то и возникло разделение *исторических сочинений* на «*исторические источники*» и «*исторические пособия*». Статус исторических источников получили первичные надежные изложения сведений солидными, ответственными, знающими людьми. Преимущественно это сочинения древних писателей и средневековых летописцев, старинные документы и т. п. Однако такой же статус получают поздние списки и отрывки из них в поздних сочинениях, даже их пересказы — при условии, что это самые ранние из дошедших до нас звеньев передачи древнего сообщения, а более ранние звенья, которые могли бы служить источниками, утрачены. Если же те сохранились, то последующие списки с них, пересказы и т. п. являются не историческими источниками, а историческими пособиями. Они могут быть во многих отношениях более пригодными, чем источники, — понятнее, четче, красочнее, доходчивее. Но в одном отношении они слабее: по содержанию исходной информации о прошлом. Ее они не могут ни пополнить, ни улучшить. В идеале (практически недостижимом) они могли бы ее сохранить неповрежденной, на деле же, как правило, искажают, портят и теряют. За нею надо обращаться к источникам.

Исторических пособий немало создавалось и в древности и в средние века. Но в эпоху Возрождения среди пособий стали выделяться в особый жанр, а затем отделились от них *исторические исследования*. Для гуманистов исторические исследования — это уже не просто переложение сообщений и описание событий в хронологическом порядке, а сочинения, в которых проводятся проверка, сопоставление, истолкование сообщений о прошлом; по обрывочным данным восстанавливается связная цепь событий; прослеживаются истоки явлений, выясня-

ются причины и следствия, выделяются и оцениваются с разумных и моральных позиций описываемые деяния; извлекаются «уроки истории», а над всем этим витает поиск единства, смысла и направленности всего движения человечества.

Геродот, Фукидид, Цезарь, Цицерон, Плиний, Тит Ливий, средневековые хроники, «Оттоновская привилегия» и т. п. — вот исторические источники. Конечно, в свое время некоторые из этих текстов (например, труды Геродота или Фукидида) были пособиями, даже по некоторым качествам исследованиями, но к эпохе Возрождения они уже стали источниками, а исследованиями теперь надлежало считать такие труды, как «История Юлия Цезаря» Петрарки и «О генеалогии богов» Боккаччо. Приобретут ли и они через несколько веков функции источников по античности? Нет, если сохранятся те сочинения, которые служили им источниками.

Из-за своей удаленности во времени от исследователя, из-за разнородности и нередко плохой сохранности исторические источники далеко не всегда легки для понимания. Чтобы правильно извлечь из них историческую информацию, их нужно к этому специально подготовить, так сказать, отпрепарировать — определить возраст, авторство, тему, понять язык и т. д. С этой стороны они подлежат заботам особой исторической дисциплины — *источниковедения*.⁵ Исторические исследования быстро накапливаются. Они оказываются различными по уровню и направлению в зависимости от времени, места и условий создания, от социальной позиции, знаний и таланта автора и т. п. В этом плане их упорядочивает, осмысливает и критически оценивает другая историческая дисциплина — *историография* (это литературная канва *истории исторической науки*).⁶

Трудами Геродота и Фукидида ведают и источниковедение и историография. Евангелием и «Оттоновской привилегией» — только источниковедение. Реконструкциями гуманистов — только историография.

Источники обычно издаются иначе, чем исследования. Теперь нередко и ссылки на источники оформляются иначе, чем ссылки на исследования (например, ссылки на источники — сокращенно и в тексте, а на исследования — полностью и в сносках).

3. Ограничение понятия с появлением и развитием критики источников

— Как бы не так! Ни за что не уйду, — сказала Алиса. — И потом это не настоящее правило. Вы изобрели его только что.

— Это самое старое правило в книге, — сказал Король.

— Тогда оно шло бы не сорок вторым, а под номером один, — сказала Алиса.

Король побледнел и поспешно захлопнул свою записную книжку.

Не очень доверяя устному преданию, гуманисты еще вполне полагались на письменные источники, поддерживаемые незыблемым авторитетом античных классиков, святых отцов церкви и самого Священ-

⁵ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР, вып. 1. М., 1962; Источниковедение истории СССР. Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973; Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955; и др.

⁶ Историография истории СССР. Под ред. В. Е. Илларионого и И. А. Кудряшова. Изд. 2-е. М., 1971; Косминский Е. А. Историография средних веков. М., 1963; Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.—Л., 1964; и др.

ного писания. Потребовался очистительный ветер Реформации, чтобы развеять это доверие. Уже в первой половине XVI в. независимо друг от друга Лоренцо Валла и Николай Кузанский в Италии и Реджинальд Пикок в Англии разоблачили как подделку знаменитый «Константинов дар» (грамоту византийского императора Константина Великого папе Сильвестру) — обоснование папских «прав» на Рим и претензий на верховенство папской власти над императорской. Появились и первые руководства по критике (например, «Об искусстве критики» Каспара Шоппе, 1597 г.). Однако методы такой *критики источников* были подробно разработаны позже — в XVII в.

Этому способствовали возникшие в условиях промышленной революции новые философские доктрины Ф. Бэкона (эмпиризм или индуктивизм) и Р. Декарта (рационализм). Первая учила исходить из опыта, из фактов, вторая — добиваться ясности посредством сомнения и аналитического расчленения. Новые идеи воодушевляли не только научную революцию в естествознании (труды Ньютона, Бойля, Гюйгенса и др.), но и политические революции буржуазии в Нидерландах и Англии.

В этой общей духовной атмосфере во второй половине XVIII в. плеяда затворников-эрудитов (Паперброх, Мабильон, Симон) в спорах о подлинности конкретных грамот разработала и применила на практике методы критики источников. Стало ясно, что содержание исторических источников нельзя приравнять к фактам естествознания и что содержащиеся в исторических источниках данные еще не способны удовлетворить критериям эмпирической науки. Теперь понятие *«исторические источники»*, отделенное ранее только с одной стороны — от понятия *«исторические пособия»* (включая *«исторические исследования»*), было отделено и с противоположной стороны — от понятия *«исторические факты»*.

В труде Жана Мабильона (1681) «De re diplomatica» («По делу дипломов») были заложены основы экспертизы подлинности, Ришар Симон в своей «Критической истории Ветхого завета» (1678) показал, как выявлять древние части текста и устанавливать их сохранность, а в анонимно вышедшем «Богословско-политическом трактате» философа Б. Спинозы (1670) появились и зачатки более глубокой критики источников — под сомнение была поставлена не их подлинность или сохранность, а истинность их содержания.

Эта отрасль критики источников получила новые стимулы в век Просвещения и Великой французской буржуазной революции. Просветители XVIII в., философы и историки (Вольтер, Вико, Кондорсе) уже умели в общем распознавать за утверждениями источников политические пристрастия их авторов, хотя и делали это только рационалистически — по здравому смыслу и интуиции.

Но этого уже было достаточно, чтобы понять, что критика источников не сводится к проверке подлинности текста или его частей, т. е. к определению возраста, авторства и сохранности, но включает в себя и оценку достоверности сообщений, соотношений между объективностью и тенденциозностью автора, оценку его компетентности и т. п.

Просветителем, вольтерьянцем умеренного толка был немец А. Л. Шлёцер, работавший и в России.⁷ Это он не только провел первую критическую разработку такого источника, как русская летопись, но и ввел в историческую науку сам термин «источник» (Quelle) (на немецком языке в книге 1768 г., в русском переводе появился

⁷ Валк С. И. Исторический источник в русской историографии XVIII в. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 7—8, с. 33—35.

Т а б л и ц а I. Структура исторического (текстового) источниковедения (обработка письменных источников)

РАЗДЕЛ	МАЛАЯ (ВНЕШНЯЯ) КРИТИКА			ТОЛКОВАНИЕ			ВЫСШАЯ (ВНУТРЕННЯЯ) КРИТИКА	
	ТЕХНИЧЕСКАЯ	ТЕКСТОВАЯ	ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ	ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ	ИСТОРИЧЕСКОЕ	КОММУНИКАЦИОННАЯ	СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ	
Содержание (методические операции)	Экспертиза подлинности	Проверка сохранности и восстановление подлинного текста	Перевод с чужого языка на родной язык исследователя	Перевод с древнего языка на современный	Соотнесение сведений с известными	Выявление персон, источников, информации до ее аккумуляции в тексте	Установление объективности и полноты информации	
Вспомогательные дисциплины и операции	Археография эпиграфика дипломатика палеография сфрагистика	Текстология	Дешифровка реконструкция языка опознание прочтение перевод	Прочтение перевод	Герменевтика геральдика историческая география хронология историческая метрология историческая эвристика генеалогия	Палеоисториография фольклористика	Историческая гносеология (раздел философии истории)	

с 1809 г.).⁸ Шлёцер первым предложил и ясное различие между последовательными (по глубине проникновения в источник) задачами критики и соответственно между ее отраслями.

В начале пути он поместил *«малую критику»*, или *«критику слов»*, направленную на оценку подлинности и сохранности текста и на восстановление элементов оригинала. За этим у Шлецера следует *«толкование»* текста, *«грамматическое»* и *«историческое»*, нацеленное на то, чтобы верно прочесть восстановленный текст, разобраться в его языке (перевести на современный) и соотнести с определенными историческими событиями, местами, фигурами и т. п., словом, установить истинный смысл, вложенный некогда в текст его автором. Наконец, *«высшая критика»*, или *«критика дел»*, проводится с целью установить достоверность самих сведений, сообщаемых автором, и опирается, с одной стороны, на оценку личности автора, на выявление его информированности и пристрастий, а с другой — на сравнение со сведениями иных источников.

В XIX в. структура источниковедения усложнилась (табл. I). Обе группы задач «малой критики» обособились. Первым шагом критики стала *экспертиза подлинности*. Эту функцию частично взяли на себя специальные дисциплины: *археография* (наука о рукописях), *эпиграфика* (наука о надписях на вещах), *дипломатика* (наука о документах, актах, грамотах), *палеография* (история шрифтов, стилей почерка, писчих материалов и т. п.), *сфрагистика* (наука о печатях).

Второй шаг «малой критики» (проверка сохранности и восстановление оригинала текста) оформился в особую дисциплину — *«критику текста»*, или *текстологию*. Основы ее заложил в начале XIX в. немецкий филолог К. Лахман. Опираясь на сравнительный анализ «списков» (копий текста), он отыскивал родственные связи между ними и механически реконструировал все более общие предковые формы — всё более древние тексты. В конце XIX — начале XX в. А. А. Шахматов, исследуя русские летописи, коренным образом перестроил текстологию. В его представлении образ древнерусского летописца был уже далек от шлецеровского Нестора или пушкинского Пимена, творившего, «добро и злу внимая равнодушно». По убеждению Шахматова, «рукою летописца управляли политические страсти и мирские интересы».⁹ Выявляя вставки, пропуски, перестановки, переделки, исследователь увязывал их по смыслу с политическими позициями и идеями различных составителей летописи, с воздействиями на них тех или иных исторических событий и восстанавливал не просто схемы родственных отношений между списками, а сложную историю текста. Его линию продолжили в советской текстологии М. Д. Приселков, Л. В. Черепнин, Д. С. Лихачев и др.

Та отрасль, которую Шлецер называл *«толкованием»*, также разделилась надвое.

«Грамматическое», или, как бы мы теперь сказали, лингвистическое, толкование текста включает в себя *дешифровку* (если письменность неизвестна), *реконструкцию языка* (если неизвестен язык), *опознание* письменности и языка (если они известны),¹⁰ *прочтение* и *перевод* с чужого языка на язык исследователя и с древнего

⁸ Schlözer A. L. Probe russischer Annalen. Bremen und Göttingen, 1768, S. 168; Шлецер А. Л. Нестор. Русские рукописи на древнеславянском языке..., ч. I. СПб., 1809, с. 394, 425. — Подробнее об этом см.: Пушкирев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории..., с. 30—32.

⁹ Шахматов А. А. Повесть временных лет, ч. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916, с. XVI.

¹⁰ Существуют даже определители языков по образам текста.

или архаичного на современный. Все эти задачи отошли к лингвистам.

Историческое же толкование текста позволяет исследователю реально представить себе смысл, вложенный в текст давним автором, опознать в сообщении реальные исторические фигуры, места, события и процессы, найти им соответствия в других источниках и даже в других видах источников. Все это, конечно, осталось на обязанности историков-источниковедов, но не оформилось в особую дисциплину. Формальные результаты этой проработки обычно сводятся к научному комментированию текста и к иллюстрированию его соответствующими изобразительными материалами — старыми рисунками, картами, фотографиями или чертежами археологических реалий и т. п., — а также к составлению *исторической энциклопедии*, словарей и справочников. Из подсобных дисциплин, связанных с этими задачами, слабо оформленная *герменевтика* ведаёт систематизацией вышедших из употребления образов, сюжетов, атрибутов, аксессуаров, регалий и т. п. и способами их опознания. Одна категория этого материала (гербы) подлежит ведению особой четко оформленной дисциплины — *геральдики*; опознанию мест помогает *историческая география*; установлению дат — *хронология* (дисциплина, изучающая измерение и обозначение времени, календари и ведущая разыскания о возрасте). Этим трем дисциплинам противоположна *историческая эвристика*, охватывающая операций обратного порядка: по заданным темам исследования отыскивать источники с необходимой информацией.

Надвое разветвилась и «высшая» шлецеровская критика.

В начале XIX в. историки романтического направления с их интересом к «родной старине», к «историческим корням» и «народному духу», к фольклору осознали, что во многих случаях даже вполне подлинный или хорошо восстановленный текст содержит не сообщение очевидца, а запись молвы, устного предания, развивавшегося по своим особым законам, и, таким образом, не является первоисточником. Понятие «*исторический источник*» получило новое ограничение: от него отделилось понятие «*первоисточник*». Стало ясно, что еще до того, как выявлять идейные позиции и тенденциозность информаторов, т. е. еще на первом этапе высшей критики, надо установить, откуда и примерно в каком виде эта информация ими получена.

С конца XVIII в. немецкий филолог Ф. А. Вольф и его школа занялись, например, выявлением эпических сказаний, исторических легенд и даже мифов, из которых, по мнению этих исследователей, сложились представления Гомера о Троянской войне. В начале XIX в. немецкий историк Б. Г. Нибур выдвинул положение, что у истоков всякой исторической традиции лежит «баснословный период», что все повествовательные источники о заре письменной истории содержат много фольклорных мотивов и что, следовательно, надежность этих источников сомнительна. В России второй четверти XIX в. эти идеи исповедовали М. Т. Каченовский и его «скептическая школа». В критическом задоре и в ужесточении критериев достоверности многие из критиков — от Вольфа до Каченовского — зашли так далеко, что стали полностью отвергать реалистичность даже таких источников, надежность которых была впоследствии доказана: «мифическую», по Вольфу, Троию откопал Г. Шлиман. Но разрушительными были только перегибы, критика была созидательной — очищала стронтельный материал от брака.

Однако и в тех случаях, когда древний автор опирался не на фольклорное предание, а на письменную традицию, на литературу, его текст даже в первоначальном и неповрежденном виде — не перво-

источник. Между тем, если автор не переписывал, а вольно перелагал или просто знал и учитывал тексты своих предшественников, то текстология своими методами не в силах проследить истоки его сведений и представлений. Нужно сопоставить его труд с трудами других древних авторов, его предшественников, — выявить источники источников, реконструировать древние русла передачи идей и фактов, древние литературные традиции. Именно таким способом тот же Нибур расчленил информацию, переданную римским историком Титом Ливием, приступив к созданию как бы «палеоисториографии». Это и стало задачей первого этапа высшей критики источников — *коммуникационного*.

Изоощренную методику этой отрасли критики источников разрабатывали и применили, построив сложную и детальную систему «палеоисториографии» античности и средневековья, Л. Ранке и его преемники — корифей «немецкой исторической школы» второй половины XIX в. Я. Буркхардт, К. Лампрехт, Т. Моммзен и др.

Именно Ранке сформулировал и принцип второго, последнего этапа высшей критики источников, на котором определяются объективность показаний, полнота и точность сведений — «правильность» фактов. Только на этом последнем этапе критик оценивает само содержание информации с точки зрения ее соответствия прошлой действительности, так что этот этап и стоило бы называть *содержательной критикой* источников.

Эмоциональные оценки, проникновение в сущность процессов, гипотезы о причинах и следствиях претили всему складу мышления Ранке, так как идейной основой этого мышления был плоский эмпиризм. Конечную цель историка Ранке формулировал просто: установить, «как оно на самом деле происходило». Сами факты должны сложиться в целостную и разумную картину. Надо лишь отойти от мелочного следования зигзагам политической истории, заинтересоваться медленным ходом изменений в экономике и быте, проследить смену юридических норм, учил Ранке. Его последователи Буркхардт и Лампрехт, двигаясь в этом направлении, пришли к задуманной еще Вольтером *истории культуры*.

Ранке считал необходимым для современного историка отрешиться от партийных точек зрения, встать над классовыми позициями. Претендуя на это, считая это вполне достижимым (и не замечая собственной буржуазной и националистической ограниченности и тенденциозности), Ранке, естественно, стремился «очистить» от такой тенденциозности и сохранившиеся сообщения источников. Поэтому он и его преемники стремились выяснить не только осведомленность и истоки информации древних авторов, но и взгляды этих авторов, их интересы и мировоззрение, их пристрастия, цели и мораль. Такая установка требует увязывать «палеоисториографию» со всем историческим процессом изучаемого периода. Впрочем, Ранке и его школа не шли далеко в этом направлении, так как не умели видеть зависимость взглядов историка от его среды, от общего уровня эпохи и от социально-экономических интересов тех или иных слоев общества. Искажения информации казались им хаотическими. Теряясь перед их пестротой, Ранке вообще старался уменьшить зависимость историка от *нарративных* (повествовательных) источников — летописей, «историй», мемуаров и т. п., предпочитая им *документальные* источники — акты, грамоты, договоры и т. п.

Первые, по его мнению, ненадежны, потому что предназначены специально для передачи исторической информации. Поэтому в них события намеренно подаются в желательном и выгодном для кого-то освещении. Вторые же возникают для удовлетворения потребностей